

**РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ГЛАГОЛЫ
КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ: СЕМАНТИКА И ТИПОЛОГИЯ¹**

Е.В. Рахилина, И.А. Прокофьева

Введение

Настоящая работа продолжает серию наших публикаций, касающихся сопоставительной семантики глаголов способа движения разных семантических групп в двух близкородственных славянских языках: польском и русском. Эта работа – в самом своем начале, около двух лет назад, – была поддержана Татьяной Михайловной, которая сама занималась сопоставлением славянских языков в разных аспектах, ср. например, Николаева 1986, 1988 и 2000, часть 2, § 3. Заинтересовавшись темой, Татьяна Михайловна пригласила авторов прочесть доклад на руководимом ею лингвистическом семинаре Института славяноведения и Балканистики РАН, а затем предложила опубликовать готовый к тому времени фрагмент в журнале «Вопросы языкознания». Мы благодарим всех участников обсуждения доклада за интерес к этому исследованию и полезную дискуссию, а Татьяну Михайловну еще и за теплое и внимательное отношение к авторам этой статьи – как начинающим славистам.

Первая из рассмотренных нами групп глаголов – глаголы *вращения* (см. Рахилина, Прокофьева 2003) – практически целиком состояла из когнатов, т.е. этимологически родственных глаголов (ср. англ. термин *cognate*). Во второй группе, к описанию которой мы теперь приступаем, – группе глаголов *качания*² – между польским и русским, наоборот, почти совсем нет этимологических пересечений.

Действительно, семантическое поле колебательных движений представлено в русском языке глаголами *качаться, шататься, колышаться*, а также в очень небольшой степени – глаголами *кивать* и *колебаться*; в польском же это поле описывают глаголы *huśtać się, kołysać się, chwiać się, kiwać (się), bujać się, chybotać (się)* – таким образом, на роль когнатов претендуют разве что пары *колышаться – kołysać się* и *кивать – kiwać (się)*. Отсюда следует, что в поле колебательного движения эти славянские языки разошлись значительно.

¹Настоящая работа поддержана грантом РГНФ 02-04-00303а.

² Работа опирается на данные словарей – как двуязычных, так и толковых, и материал корпусов текстов (использовались примеры из Архива Национального корпуса русского языка и из корпусов польских текстов; при поиске русских примеров применялась программа, составленная А.В. Санниковым), а также опросы информантов, носителей польского и русского языков.

Отметим, что и сама структура поля различается в русском и польском: в русском есть «главный» глагол *качаться*, «ответственный» за колебательные движения самых разных типов (см. подробнее Рахилина 2001), остальные же глаголы явно составляют периферию: для *шататься* и *колебаться* наиболее частотными стали переносные значения (ср. *шататься* как ‘бесцельно передвигаться’, ‘бродить’, и в еще большей степени – *колебаться* как ‘сомневаться’; кстати, польское *kolebać*, по нашим данным, в современном литературном языке совсем потеряло собственно колебательное значение³). В польском картина более однородная: каждый из перечисленных глаголов достаточно употребителен в своей узкой семантической области, и сами эти области вполне сопоставимы по объему.

В этой статье мы покажем, что степень сопоставимости польского и русского языков в зоне колебательного движения, тем не менее, остается почти такой же, как и в зоне вращения: в обоих случаях сравниваемые системы, с одной стороны, значительно различаются, с другой стороны, в них выделяются и общие параметры. Последние претендуют на то, чтобы быть когнитивно и типологически релевантными – из этого можно исходить при дальнейшем, более широком типологическом исследовании.

1. *Кивать* – *kiwać* (*się*)

Русское *кивать* – каузативный глагол, имеющий специальную, очень узкую область действия: он употребляется в смысле ‘кивать головой’ о человеке в знак согласия. Польский когнат существует в двух вариантах – каузативном – *kiwać* и некаузативном *kiwać się*. Каузативное *kiwać* вбирает в себя «русские» семиотически нагруженные контексты, ср.:

Tak u nas zawsze - odrzekł kiwając głową ksiądz biskup poznański (H. Sienkiewicz. Potop) ‘Так у нас всегда — ответил, *кивая* головой, епископ Познаньский’,

однако оно значительно шире русского по значению, ср. словарное толкование в PSJP: ‘двигать чем-либо попеременно в двух противоположных направлениях, качать, махать’. Ср.:

- *Chodź tu!... - rzekł z cicha, kiwając gwałtownie ręką* (A. Wiśniewski-Snerg. Anioł przemocy) ‘– Иди сюда! – тихо сказал он, энергично *махая* рукой’.

³ Видимо, то же относится и к глаголу *wahać się* ‘сомневаться’, хотя в прошлом этот глагол, бесспорно, входил в систему польских глаголов качания как один из основных, ср. производное *wahadeł* со значением ‘маятник’; ср. здесь же польское *kolebka*, производное от глагола *kolebać* со значением ‘люлька, колыбель’.

Pan Michał począł kiwać ręką, aby mu nie przeszkadzano, i czas jeszcze jakiś słuchał pilno, na koniec zbliżył się do towarzyszków (H. Sienkiewicz. Ogniem i mieczem). ‘Пан Михал начал **махать** рукой, чтобы ему не мешали, и еще некоторое время внимательно слушал, пока не подошел наконец к товарищам’.

Kiwać может, таким образом, применяться и к разным частям тела, таким как рука (или платок как продолжение руки), нога, палец и даже хобот. Больше всего это напоминает русский глагол *махать*, ср. *махать рукой / платком* [Рахилина 2002]. Однако полной симметрии с русским *махать* у польского *kiwać* все же нет. Например, нога, в отличие от русского *махать*, при *kiwać* движется только от колена – соответствующее движение в русском описывается глаголом *качать* (см. также раздел 3).

Возвратный некаузативный *kiwać się* обозначает любые ситуации, в которых происходит колебание верхней части вытянутого объекта независимо от нижней, так что объект перегибается – как бы кланяется, ср.:

Kwiatek kiwał się na długiej wysokiej szczyplce (J. Brzechwa. Gdy owoc dojrzewa) ‘Цветок **качался** на длинном высоком стебле’.

<...> *zauważył w końcu, że ryg jednorożca zaczął się niebezpiecznie kiwać w prawo i w lewo* (E. Marczyńska. Arkadia) ‘Он наконец заметил, что рог единорога начал опасно **качаться** вправо и влево...’

Таким образом, оба польских глагола обслуживают зону колебательных движений, причем если каузативный конкурирует с русским *кивать*, значительно перекрывая допустимую для него область значений и вторгаясь в зону *махать* и *качать*, то возвратный выделяет подкласс употреблений русского *качаться*.

2. Колыхаться – kołysać się.

Эта пара когнатов тоже имеет зону семантического пересечения: и в польском, и в русском колышутся «мягкие» горизонтальные поверхности, такие как пшеница или трава:

Trawy puściły się bujno...Rankiem namiestnik, jadąc na czele swych ludzi, jechał jakby morzem, którego falą ruchliwą była kołysana wiatrem trawa (S. Żeromski. Przedwiośnie) ‘Травы буйно разрослись... Утром наместник во главе своих людей ехал как будто по морю, бегущей волной которого была **колыхавшаяся** под ветром трава’.

Возможно, эта ситуация является прототипической для обоих языков. Однако в современном русском в сферу действия глагола *колыхаться* попадают и вертикальные «мягкие» поверхности (занавески, флаги) – и на этом она фактически исчерпывается. В художественных текстах дополнением к этим основным контекстам могут служить те, в которых колышется – от смеха, кашля, движения – тело очень полного человека (такое тело тоже можно рассматривать как своего рода «мягкую поверхность»), в особенности, живот, щеки или женская грудь, ср. следующий характерный пример:

*На трибуне плавала и **колыхалась** Анна Богумиловна Побияхо, колыхались все ее подбородки, наплывающие на объемистую грудь, прыгали на груди красные бусы* (Вл. Дудинцев. Белые одежды).

Значение польского глагола *kołysać się*, как и в первой паре когнатов, оказывается гораздо шире. Его семантической доминантой является не характер поверхности, а слабая амплитуда колебаний, и это делает круг объектов, подпадающих под действие данного глагола, разнообразнее: *kołysać się* описывает и несильно колеблемые поверхности (прежде всего, воду) и, метонимически, все предметы на такой поверхности, и закрепленные снизу объекты, и даже маятникообразные объекты – лишь бы амплитуда их колебаний была невелика, ср.:

*Na wodzie **kołysały się** resztki rybackiej łydki.* ‘На воде **качались** обломки рыбацкой лодки’.

Kajak kołysał się na falach. ‘Байдарка качалась на волнах’ (пример из Wojar 1979)

*Drzewa **kołysały się** powoli a cicho szeleszczące liście delikatnie usypiały.* (B. Leśmian. Rybak i geniusz) ‘Деревья несильно **покачивались**, а тихо шелестящие листья нежно усыпляли...’

*5 w skali Mercalogo, a to znaczy, że rysowały się mury, przesuwały lekkie przedmioty i **kołysały** żyrandole...* (Tygodnik Podhalański № 44) ‘Пять баллов по шкале Мерцалова — а это значит, что трескались стены, передвигались легкие предметы и **качались** люстры’.

*Wagon niebezpiecznie **kołysał się**.* *Pociąg szarpnął kilka razy, wprowadzając w motłoch dreszczyk emocji.* ‘Вагон опасно **качался**. Поезд несколько раз дернулся, приводя толпу в дрожь’.

Уже из переводов этих примеров видно, что для русского языка все это – привилегированная зона глагола *качаться*, а более точно, его приставочного коррелята *покачиваться*⁴.

Зато мягкие вертикальные поверхности не описываются польским *kołysał się*: их способ качания в польской картине мира «объединяется» с движением неустойчивых «жестких» вертикальных объектов, см. раздел 4.

3. Качаться / раскачиваться – *huścić się*

Релевантность признака амплитуды колебаний для польского обнаруживается и на примере семантики глагола *huścić się*: он соотносится прежде всего с ситуациями, которые на русский можно было бы перевести с помощью глагола *раскачиваться*, т.е. описывает движение колебаниями большой амплитуды:

Radek z rozpedu zawisł na metalowej bramce, która stała na stadionie; huścił się. Bramka przewróciła się ... ‘Радек с разбегу повис на металлических воротах, стоящих на стадионе, *раскачался*. Ворота перевернулись...’

...wisił uczepiony rękami i nogami u wahadła zegara i huścił się na nim jak na huśtawce, powtarzając raz po raz głośno: “Tik-tak ...” (J. Brzechwa. Tryumf Pana Kleksa) ‘...висел, прикрепившись ногами и руками к маятнику часов, и *раскачивался* на нем, как на качелях, повторяя громко раз за разом: “Тик-так...”’ В подавляющем большинстве так качаются маятниковообразные объекты⁵ – в русском языке единственный способ описать их движение – независимо от амплитуды – это «основной» колебательный глагол *качаться*.

⁴ Между тем, еще в 19 веке и даже в первой половине 20-го русский был, видимо, значительно ближе к польскому в отношении семантики глагола *колыхаться*, ср.: <...> *колышиа ногою люльку и напевая песню, которая как будто теперь слышится мне* (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки); <...> *коляска выехала со двора и пошла колыхаться по засохшим кочкам немощеного переулка* (И. Гончаров. Обломов); *Капитан колыхался, жестикулировал, начинал возражать, но Николай Всеволодович каждый раз повелительно его останавливал* (Ф. Достоевский. Бесы); *В ожидании воды Цинциннат сел за стол, стол сегодня немножко колыхался* (В. Набоков. Приглашение на казнь); *... громадные грузовики, колышиа и бренча цепями...* (М. Булгаков. Роковые яйца) и под.

⁵ В нашем корпусе иногда встречались и примеры закрепленных снизу объектов, и даже водной поверхности – впрочем, и в этих случаях всегда описывались значительные колебания, ср. *раскачиваться*: *... Lecz aż tak gwałtownej burzy dotąd nie przeżył. Dąb huścił się, wstrząsany poruwami* (J. Grabowski. Reksio i Pucek i inne opowiadania) ‘Но настолько сильной бури он до того момента не переживал. Дуб *раскачивался*, сотрясаемый порывами’; *Wtedy starzy bacowic mówią, że na Bałtyku jest sztorm, bo się w stawie woda huści* (J. Kwiatek. Polska: Urokliwy świat małych miasteczek) ‘Тогда говорят, что в Балтийском море шторм, поскольку в заливе вода *ходит ходуном*’.

Наши исследования (Рахилина 2001) показывают, что в русском при этом в фокус внимания говорящего попадает именно подвешенный объект, тогда как подвеска «видится» повторяющей его движения и не принимается во внимание – как если бы она была жесткой или подвешенный груз очень тяжелым. Случаи «мягкой» подвески, со своей собственной траекторией движения, которая «берет на себя» фокус внимания, выделяются русским языком в отдельный класс и описываются глаголом *махать* (поэтому можно: *махать*, но не **качать хвостом, руками, платком* и др.)

Особый интерес представляет пара *качать-махать ногой*: *машут* ногой от бедра – как «мягкой подвеской», движущейся свободно, а *качают* – ногой от колена, т.е. фактически – стопой, жестко связанной с коленом повторяющей движение стопы голенью. Тем самым, лексема *нога* в этих сочетаниях используется в двух разных значениях – как ‘leg’ в случае с *махать* и как ‘foot’ в случае с *качать* (о других проявлениях такого противопоставления в русском языке см. Рахилина 2000: 127, 167).

4. Качаться / шататься – *chwiać się*: неустойчивость.

В особый класс ситуаций оба языка выделяют колебания теряющих устойчивость вертикальных объектов, закрепленных снизу. В русском в этой зоне действует – параллельно с *качаться* – глагол *шататься*, который, в отличие от более общего *качаться* специально выбирает ситуации, связанные с неустойчивостью предметов по причине деформации: *зуб качается / шатается, забор качается / шатается*, но: *подсолнух качался / *шатался на высокой ножке, камыш качался / *шатался* и под.

Данное противопоставление сохраняется и для приподнятых опор: русский язык хорошо различает две ситуации: когда опорная поверхность просто неустойчива и когда она неустойчива ввиду деформации или ветхости, т.е. не закреплена или плохо закреплена, а не только подвижна. В первом случае используется нейтральный *качаться*, во втором предпочтителен *шататься*:

(9) *Гнилые скамейки шатались* (²*качались*), *когда я на них садился* (К. Паустовский. Повесть о жизни: Далекie годы)⁶, ср. также *шаткие мостки*.

По отношению к именам лиц – нетвердо стоящим на ногах людям – *шататься* используется в причинных контекстах (*шататься от голода /*

⁶ Ясно, что граница между этими ситуациями не жесткая, так что обычно *шататься* все-таки заменяется на *качаться* (если говорящий старается игнорировать идею деформации) – но не наоборот: вместо *качаться на волнах* довольно трудно себе представить **шататься на волнах*.

Именно этот круг употреблений, описывающих деформацию и разрушение опоры, дает основу распространенному переносному значению, связанному с потерей «идеологических устоев», ср.: *вера шатается, трон шатается, шатания* и др. (по наблюдениям Н.Д. Арутюновой, таких употреблений *шататься* особенно много у Ф.М. Достоевского, прежде всего, в «Бесах», отсюда и фамилия героя Шатов, см. Арутюнова 2004).

усталости / горя и под.); для *качаться* такой тип управления не характерен, так что взаимозамена глаголов предпочтительна в тех случаях, где причина не выражена, ср.:

(12) Он изображает пьяного и **шатается** / качается вместе с колесом (Ю. Олеша, В цирке),

но:

(13) А вот и я, почти один, выхожу наконец из поезда, опять с моим подлинным именем, и, **шатаясь** / ?? качаясь от усталости и голода, иду в первый класс (И. Бунин. Жизнь Арсеньева);

(14) **Шатались** / *качались от истощения куры с выдранными хвостами (А. Толстой, Золотой ключик, или приключения Буратино)⁷.

В польском колебательные движения закрепленных снизу объектов передаются глаголом *chwiać się* – тем же, что описывает колебание гибких вертикальных поверхностей, например, занавесок (см. раздел 2), поэтому для вертикальных объектов идея деформации и разрушения, хотя и присутствует в большинстве примеров, не так обязательна, как для русского *шататься*, ср. примеры типа:

Dziecko było bardzo zaniedbane brudne i wychudzone. Jego zęby chwiały się, dziąsła krwawiły (G. Walczak. Anioł ze starego miasta) ‘Ребенок был очень неухоженным, грязным и исхудавшим. Зубы у него **шатались**, десны кровоточили’,

но и:

Nad głowami idących chwiały się rozpięte na drążkach białe płótna z napisami (E. Orzeszkowa. Nad Niemnem) ‘Над головами шедших **колыхались** растянутые на полках полотна с надписями’,

а также:

⁷ У *шататься* есть еще одно переносное значение – беспорядочного движения в пространстве, восходящее, как верно замечено в Левонтина, Шмелев 1999: 274, к идее незакрепленности движущегося объекта: *шататься из угла в угол, шататься по улицам*, ср. также *медведь-шатун* и др. В современном языке круг употреблений *шататься* уже, чем в древнерусском (где *шататься*, а не *качаться* был основным глаголом колебательных движений), но практически тот же, что в XIX в. – однако в зоне беспорядочного движения *шататься* еще в пушкинскую эпоху употреблялось шире, чем теперь, ср.:

В должности коменданта состоящий в Яицком городке подполковник Симанов 15 сентября рапортовал, что отставной яицкой сотник объявил, что Пугачев **шатается** [теперь бы, наверное, сказали: *разгуливает*] по степи в 100 верстах от Яицкого Городка к Сызрану <... > (А. Пушкин. Материалы к "Истории Пугачева").

<...> *ino tupot nóg się rozlegał glucho, ino te drzewa przydrożne **chwiały się niespokojnie**...* (Reimont. Chłopi) ‘<...> раздался глухой топот ног, придорожные деревья беспокойно **качались**...’

Одновременно польское *chwiały się* разрабатывает идею неустойчивости значительно подробнее, чем русское *шататься*: он «обслуживает» и потерявшие устойчивость горизонтальные поверхности, что для русского языка недопустимо, ср.: ... *czujemy pod nogami trwałe, pewny grunt który się **nie chwieje*** (M. Jarosz. Deja vu i inne opowiadania) ‘... чувствуем под ногами твердый грунт, который <букв.> **не шатается**’. Обратим внимание, что перевод этого предложения с помощью *качаться* будет так же неудачен: в русском такая ситуация, скорее, игнорируется языком («следы» ее видны лишь в употреблении адъективного *шаткий*: *шаткие мостки*)⁸.

5. *Chybotać (się)*.

Параметр неустойчивости занимает особое место в польской лексической системе: он релевантен для семантики еще одного польского глагола, а именно, *chybotać (się)*⁹. Этот глагол подразумевает колебательные движения (с небольшой амплитудой) одновременно всех частей объекта: так ведет себя пламя свечи, веревочная лестница или тряская поверхность болота¹⁰ (ср. здесь родственное *chyba* – ‘возможно, может быть’):

Goście siedzieli przy stolikach, świece migotały i się chygotały, a słowa i uczucia... ‘Гости сидели за столами, свечи мигали и **дрожали**, а слова и чувства...’

Chygotała się lampka w ręku Santany. ‘**Дрожала** лампа в руке Сантаны’.

<...> *a obok **chybotce** cień Wojciecha z Kalisza* ‘А рядом **колеблется** тень Войцеха из Калиша...’

⁸ Что касается канонических употреблений *качаться* применительно к горизонтальным поверхностям типа: *палуба качается*, то они ориентируются прежде всего на ситуацию колебаний опоры (воды), а не потерю устойчивости ввиду деформации. Обратим внимание и на то, что русское *качаться* практически не применимо к самой водной поверхности (при том, что в польском колебания воды описываются не одним глаголом – в таком контексте в разных случаях допустимы и *huśtać się* (при больших колебаниях), и *kołysać się* (при легких колебаниях), и *chybotać (się)*, и *bijać się*), см. след. разделы – русское «горизонтальное» *качаться* в подавляющем большинстве случаев описывает не воду, а колеблемые водой предметы.

⁹ Глагол *chybotać* употребляется как непереходный или с творительным объекта; параллельно используется возвратная форма с *się*, причем PSJP определяет ее просто как усиленную для глагола *chybotać*; семантические различия между этими формами остались пока неясны.

¹⁰Заметим, что к вертикальным объектам (которые, как мы видели, в польском обслуживаются глаголом *chwiać się*), *chybotać (się)* не применим.

Całe bagno *chybotało* pod stopami (M. Rodzewiczowna. Lato leśnych ludzi) ‘Все болото *дрожило* под ногами...’

Интересно, что в тот же класс приемлемых для *chybotać* (*się*) объектов попадают и старые вещи, готовые вот-вот развалиться, рассыпаться (как если бы все их части потеряли устойчивость – ср. также русск. *хибарка*):

<...> *górką rzeką. Szliśmy w skupieniu, trzeba było bardzo uważać, kładka się chybotala, co trzeciej klepki brakowało, a te, co były, trzeszczały ...* ‘<...> горная река. Мы шли вместе, нужно было быть очень внимательными, мост *дрожал ходил под ногами / шатался*, каждой третьей доски не хватало, а те, которые были, трещали...’

– *Przednie koło nieco się chybotcze - zauważył. - Przystanie, kiedy pan przestanie nim trząść - odparłem. Koło bowiem nie chybotalo się wcale...* (K. Grochola. Nigdy w życiu) ‘Переднее колесо немного болтается – заметил он. – Перестанет, когда вы перестанете его трясти, – ответил я. Ведь колесо совсем не *болталось*...’

Никакого прямого аналога в русском этому предикату нет. Наиболее близок, видимо, судя по переводам, глагол *дрожать* в метафорических употреблениях, т.е. применительно к неживым объектам, потому что он имеет в виду мелкие колебания всего объекта. Для устройств с плохо пригнанными частями (как в последнем примере) хорошим эквивалентом может быть русское *болтаться*: у него именно такая узкая зона применения в значении колебательного движения; для опор-артефактов (как в примере с мостом) «подходит» глагол *шататься*.

6. *Bujać się*: колебания на опоре.

Еще один тип колебательных движений, который специально выделяется в польском и не имеет хорошего русского аналога – это колебания предмета на опорной поверхности, причем либо на поверхности устойчивой и неподвижной (ср. движение кресла-качалки), либо на подвижной, за счет ее собственных колебаний (ср. пассажир в транспорте, чайник на плите и др.) Оба эти типа ситуаций охватываются в польском одним глаголом *bujać się*:

U dziadka stal fotel na biegunach. Jeden s nich siadł na nim i wyraznie się przestraszył, gdy fotel zaczął się bujać. (G. Walczak. Anioł ze starego miasta) ‘У деда

стояло кресло-качалка. Один из них сел в него и очень испугался, когда кресло начало **качаться**’;

I będę się bujać z tym wszystkim w tramwaju (М. Dąbrowska. Opowiadania) ‘И я буду со всем этим **трястись** в трамвае’;

Czajnik lekko buja się na kuchence (К. Grochola. Serce na temblaku) ‘Чайник тихонько **трясется** на плите’.

В русском же они не объединяются: обобщенное *качаться* покрывает только первый тип и игнорирует второй, «оставляя» его глаголам близкой, но все же другой семантической группы (*трястись*).

Обратим внимание, что первое значение глагола *bujać się* – ‘летать, носиться в воздухе’, и это не случайно: в польской картине мира концепт движения в воздухе связан с идеей вертикального движения относительно опоры (именно так и нужно, видимо, описывать семантику второго, колебательного значения *bujać się*). Типологически такое совмещение данных концептов (в более широком контексте его можно описывать как ‘летать’/’прыгать’) релевантно для многих языков (ср., например, армянский или корейский). Интересно в этой связи и то, что польское *latać* ‘летать’ легко переносится на «колебательную» ситуацию ‘вздрагивать <о губах>’. Подробнее об этом типе семантического совмещения см. Плунгян, Рахилина 2004.

6. Колебаться: точка отсчета.

Русский глагол *колебаться* в подавляющем большинстве контекстов, причем начиная по крайней мере с пушкинского времени, используется для выражения неуверенности в выборе решения, ср.: *для всех, кто мыслит и колеблется...* (В. Ходасевич, Петербургские повести Пушкина). В то же время, у этого глагола есть и небольшая зона, в которой он применим к физическим объектам и конкурирует с другими глаголами колебательного движения.¹¹ В современном языке это зона подвижных нежестких объектов (прежде всего, нестабильной среды), которые, при небольших изменениях в своем положении в пространстве, тем не менее, имеют ясную «точку отсчета». Характерными субъектами являются для *колебаться* воздух, поверхность болота, иногда даже земли – если речь идет о несильном землетрясении, а также свет, звук, пламя, тени, ср. следующие примеры: *колебались в лазоревой степи костры* (Вс. Иванов); *колеблющийся, тревожный свет* (В. Кунин); *вслед за ним колебались тени, отчего и казалось, что впереди что-то шевелится* (В. Пелевин); *колебалась почва от тяжелых далеких ударов* (А. и Б. Стругацкие); *колебалось*

¹¹ Заметим также, что нейтральным обозначением такого движения служит имя, производное от этого глагола – *колебание*, а вовсе не *качание*, как можно было бы ожидать, исходя из сочетаемостных возможностей современного *качаться*.

розовое пламя (Ан. Приставкин) и под¹².

Интересно, что среди контекстов *колебаться* поверхность воды как таковая не встречается, зато очень часты примеры, в которых описывается движение беспокойного **отражения** в воде или предметов, видимых сквозь воду:

<...> *тротуары блестели после дождя, и в лужах колебались отражения уличных фонарей* (А. Куприн. *Allez!*);

<...> *мачты дальних кораблей колебались на изумрудной воде Одесского залива* (И. Бабель, Любка Козак);

В метре-полтора от себя сквозь пронизанную солнцем воду он увидел длинные, мягко колеблющиеся ноги и плоско очерченный живот; плывущая фигура уходила вглубь, в полупрозрачную зеленоватую муть (И. Грекова. На испытаниях).

Кажется, это не случайно: и у пламени свечи, и у теней, и у поверхности болота, и у отражения в воде есть некое нейтральное положение (точка отсчета – когда отражение сохраняет форму, поверхность болота ровная, пламя свечи спокойно), легкие отклонения от которого, визуально различимые, описывается глаголом *колебаться*, как если бы образ объекта то возвращается в это исходное положение, то уходит чуть в сторону. Сама водная поверхность или мягкие поверхности типа развевающихся флагов дальше от этого прототипа: они все время подвижны. Тем не менее, есть (редкие) примеры, в которых *колебаться* «втягивает» в зону своих употреблений мягкие поверхности, представляя дело так, как если бы они не просто тяжело *качались* из стороны в сторону или легко *колыхались*, меняя форму, а отклонялись от исходного положения и возвращались назад, ср.:

Занавески на открытых окнах тихо колеблются (Александр Куприн. Река жизни),
а также:

Гординер открыл форточку: "Возвращайся до темноты!" Велимир выпрыгнул на карниз, спустился на низлежащую крышу и прошел к трубе, держа перпендикулярно колеблющийся, словно гвардейский султан, хвост (В.

¹² В XIX веке значение *колебаться*, видимо, все-таки было несколько шире, ср., например: *В мечтах пред ним носился образ высокой, стройной женщины, <...>, легко ступающей по ковру <...>, с колеблющейся талией, с грациозно положенной на плечи головой...* (И.А. Гончаров. *Обломов*), а также знаменитое *пускай <...> колеблет твой треножник* Пушкина. Между тем, по нашему исследованию, основанному на текстах Архива Национального корпуса, наиболее характерные примеры предметной сочетаемости *колебаться* того времени, как и в современном языке, описывают свет, свечи, звук голоса, тени, даль, туман, дым, трясину, падающий снег, камыши и под.

Аксенов. Московская сага).

С идеей отклонения от «точки отсчета», которая, как нам представляется, доминирует в семантике русского *колебаться*, связано сочетание *колебания весов*, ср. также в непрямом употреблении: *дрожат и колеблются весы моей жизни* (Е. Гинзбург), а также способность этого глагола управлять пространственными предлогами (например, предлогом *между*, сочетанием *в районе* и под.), задающими зону варьирования с точкой отсчета внутри нее, ср.: *Большинство показаний колеблется между 400 и 470 тысячами* (Е.В. Тарле. Наполеон)

Некоторые выводы

Семантика поля колебательных движений в русском и в польском определяется разными параметрами – они и обеспечивают различие в членении этого поля.

Для русского релевантным является различие между движением «мягких» и «жестких» объектов (*качаться* vs. *колыхаться*); кроме того, в отдельные классы выделяются колебание потерявших устойчивость крепления снизу вертикальных объектов (*качаться* vs. *шататься*) и незначительные отклонения от исходного состояния (обычно о нестабильной среде – *колебаться*).

Для польского важны амплитуда колебаний (большая: *huśtać się*; малая: *kołysać się*, *chwiać się*, *chybotać [się]*, *bijać się*) и параметр неустойчивости (ср. *chwiać się*, *chybotać (się)* и отчасти *bijać się*). Кроме того, польский, в отличие от русского, имеет возможность лексически противопоставить пять топологически различных типов колебательных ситуаций: движение маятника (*huśtać się*), раскачивание вертикального объекта, в том числе закрепленного снизу (*chwiać się*), колебательные движения на опорной поверхности (*bijać się*), колебания одной верхней части вертикального объекта (*kiwać się*) и мелкие колебания всех частей объекта, которые происходят одновременно и независимо друг от друга (*chybotać [się]*).

Тем не менее, из сопоставления этих систем видно, что противопоставление движения подвешенных и закрепленных снизу объектов, а также горизонтальных и вертикальных поверхностей очень важно для языковой картины мира. Эти параметры по-разному совмещены в польском и русском, но присутствуют в обоих языках. Бесспорный интерес с точки зрения лексической типологии представляет и идея неустойчивости объекта ввиду деформации, а

также естественные колебательные движения частей тела – головы, хвоста, рук и ног.

* * *

Мы искренне благодарим Магдалену Данилевичову, Ольгу Леонидовну Катречко и Валентину Григорьевну Кульпину, а также наших польских друзей-информантов за неоценимую помощь в работе над этой статьей.

Литература

Арутюнова, Н.Д. 2004. Колеблющийся мир Достоевского (в печати).

Левонтина, И.Б.; Шмелев, А.Д. 1999. *На своих двоих*: лексика пешего перемещения в русском языке. Логический анализ языка. Языки динамического мира, Дубна.

Николаева, Т.М. 1986. Славянские частицы и некоторые проблемы типологии // Советское славяноведение, 1986, N 1.

Николаева, Т.М. 1988. Типология функционирования посессивных конструкций в славянских языках // X Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., Наука, 1.

Николаева, Т.М. 2000. От звука к тексту. Языки русской культуры. М., 2000.

Плунгян, В.А., Рахилина Е.В. 2005. Типология глаголов со значением ‘летать’, ‘падать’ и ‘прыгать’. В печати.

Рахилина Е.В. 2001. О природе бесконечного движения: *качаться* // Prace filologiczne (Warszawa), t. XLVI, 493-502.

Рахилина Е.В., Прокофьева И.А., 2004. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания, N1.

Bojar B. 1979. Opis semantyczny czasowników ruchu oraz pojęć związanych z ruchem. Warszawa, UW.

PSJP: Podręczny słownik języka polskiego. Red. tomu Elżbieta Sobol. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1996.